

Сближение Петербурга с Венецией особенно значимо в связи с карнавальностью (театральностью) петербургского быта. Ср. у Т. В. Цивьян: «Венеция (как и Петербург) – двуликий город, город-оксюморон, траурный праздник, смесь веселья и трагизма, что находит выражение прежде всего в ее карнавальной амбивалентности» (Цивьян Т. В. «Золотая голубятня у воды...»: Венеция Ахматовой на фоне других русских Венеций // Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. СПб., 2001. С. 43).

¹¹ «Кто посетил его (Петербург. – Н. Б., И. П.) в страшные, смертные годы 1918–1920, тот видел, как вечность проступает сквозь тление. <...> Истлевающая золотом Венеция и даже вечный Рим бледнеют перед величием умирающего Петербурга. Рим – Петербург. Рим опоясал Средиземное море кольцом греческих колонн, богов и мыслей. Рим наложил на южные народы легкие цепи латинских законов. Петербург воплотил мечты Палладио у полярного круга, замостил болото гранитом, разбросал греческие портики на тысячи верст среди берез и елей» (курсив наш. – Н. Б., И. П.) (Федотов Г. П. Три столицы // Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 2003. С. 514).

¹² Вагинов К. К. Стихотворения и поэмы. Томск, 2000. С. 83.

¹³ Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 186.

¹⁴ Ахматова А. А. Поэма без героя. М., 1989. С. 38.

¹⁵ Зенкин С. Жан Бодрийяр: время симулякров // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 11.

¹⁶ Герцен А. И. Москва и Петербург // Герцен А. И. Сочинения: В 9 т. М., 1955. Т. 2. С. 390.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ср. у В. Г. Белинского: «Петербург... есть новый город в старой стране, следовательно, есть новая надежда, прекрасное будущее этой страны» (Белинский В. Г. Петербург и Москва // Физиология Петербурга. М., 1984. С. 52).

¹⁹ «В Китеже-граде то, что есть – невидимо, а здесь, в Петербурге, наоборот, видимо то, чего нет; но оба города одинаково призрачны» (курсив наш. – И. П.) (Мережковский Д. С. Петр и Алексей. М., 1992. С. 214).

²⁰ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст» русской литературы: (Введение в тему). С. 295.

²¹ Там же.

²² Гиппиус З. Н., Мережковский Д. С. Избранное. С. 363.

²³ Цит. по: Гаспаров М. Л. Петербургский цикл Бенедикта Лившица: Поэтика загадки // Тр. по знаковым системам. Т. 18. С. 94.

²⁴ Белый А. Петербург. М., 1994. С. 73.

²⁵ Грин А. С. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1965. Т. 3. С. 223.

²⁶ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст» русской литературы: (Введение в тему). С. 295.

С. В. Голикова

КУЛЬТУРА ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА И ДУХОВЕНСТВО: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Уже в середине XVIII века самыми многонаселенными приходами Урала были горнозаводские. Н. Д. Зольникова отмечала, что духовенство шло туда по прямому назначению архиерея¹. Как правило, оно было лучше образовано, трудилось на литературном поприще и оставило нам сведения о своих прихожанах. К написанию подобных текстов члены причта привлекались

довольно рано. Протоиерей Екатеринбургской соборной церкви Екатеринбурга Ф. Л. Карпинский в начале XIX века записал в своем дневнике: «Поутру был у меня Берез[овского] зав[ода] св[ященник] Тимофей Мухин и рассказывал, что Его Преосвященство приказал мне доставить к нему описание рудников Березовского завода»². Вероятно, есть смысл говорить об особом направлении в бытописании населения Урала, представленном работами духовенства. Манера духовенства некоторым образом отличалась от подачи материала другими категориями авторов. Поскольку до нас в рукописном и опубликованном виде дошла масса источников, создателями которых были духовные лица, важно уяснить (и оценить), каким образом свойственный представителям духовного сословия взгляд на паству преломлялся в этнографических сочинениях. Автору данной статьи уже приходилось обращать внимание на этот вопрос при исследовании эпидемии кликушества 1839 года среди непрременных работников с. Нижнего Уткинской слободы. Благодичный Д. Флоровский, которому Екатеринбургское духовное правление «предписало» разобраться в данном вопросе, оказался не только добросовестным исполнителем, но и тонким наблюдателем. Будучи священником, он был не чужд образованности и в то же время весьма уважительно отнесся к народному восприятию кликушества. Церковь культивировала в своих служителях бережное отношение к проявлениям духовности человека. Анализ кликушества как феномена духовной жизни помог Флоровскому увидеть в кликушах людей «истинно страждущих», чего не смог заметить комитет врачей, объявивший их «ложнобольными», оценить «лечебные средства» медиков как бесчеловечные и не в последней мере способствовал цельному и многоплановому описанию «кликучной болезни»³. Сочувствие, проникновение во внутреннюю логику других, улавливание значений, которые люди вкладывают в слова, и смыслов, которыми они оперируют, современная наука называет эмпатией⁴, относя ее к особенностям антропологического подхода. Пастыри человеческих душ родственны современным антропологам уже по определению. Перефразируя появившееся в литературе сравнение «инквизиторы как антропологи», можно сказать, что в данной статье речь пойдет о «священниках как антропологах».

Составитель «Программы для собирания этнографических сведений о жителях Пермской губернии» 1850-х годов в список лиц, «кои по самому роду службы своей и по занятиям поставлены ближе к народонаселению», включал и приходских священников⁵. Редакция «Пермских губернских ведомостей» также полагала, что «духовные более, нежели кто-либо, имеют возможность дополнить наши топографические, этнографические и другие сведения»⁶.

Метод «включенного наблюдения», с помощью которого ими собиралась информация, гарантировал ее достоверность, представительность и точность.

Описания горнозаводского населения, присланные Русскому географическому обществу (РГО) в ответ на анкету 1848 года, практически все принадлежали перу священнослужителей. Наиболее полное среди них – сочинение «Этнографические сведения о жителях Кушвинского завода» священника Михаила Суворова – датировано 1849 годом. После раздела «О языке» автор детально охарактеризовал местоположение селения, «состояние» его жителей, внешнее и внутреннее устройство изб, надворных построек и усадьбы, экипажи и упряжь.

По его наблюдениям, «рабочие люди Кушвинского завода» делились на «конных и пеших». «Конные, – отмечал он, – более зажиточны, и потому домашний быт их более улучшен, чем у пеших». «Конный работник, – пояснял далее М. Суворов, – имеющий сверх двух казенных лошадей собственную лошадь, обрабатывает свои оброки вдвое успешнее, а потом бьет копейку на стороне, работая за других или занимаясь перевозкой казенных тяжестей – чугуна и железа на Серебрянский завод и на Ослянскую пристань или перевозкой разных сортов хлеба из Нижне-Тагильского завода в Кушвинский, и имеет время и средства удобрять землю и заниматься хлебопашеством. Есть лошади – есть и средства заработать лишних несколько рублей. Пробойный работник, при одной своей лошади, зарабатывает в зиму до 50 рублей серебром; а с парой лошадей при малолете или старике зарабатывает вдвое больше. Напротив, пеший, справляя заводскую работу натурой, то есть лично, едва находит свободные часы (в дни праздничные) поправить что-либо около своего дома, запастись дровами, сеном для коровы и прочим. Лошадь ему в тягость. Во всем быту мастерового пешего заметна скудость»⁷. Данный автор подметил у кушвинцев также любопытный обычай «мены домами». «Причиной мены домами, – писал он, – можно полагать быстрый переход от достатка к бедности и наоборот. Мастеровой человек здоровый и пробойный, то есть оборотливый или имеющий какое-либо художество или неутомимый в трудах, работая на лошадях, быстро поправляет свое состояние. Напротив, утративший здоровье или устарелый уже становится не в силах выполнять работу и скоро бедность его застигает. Первый, построившись вначале кое-как, теперь ищет простора для домообзаводства; последний, застроившись в свое время порядочно, теперь не в состоянии поддерживать своего дома, и дом большой, но выходящий из его рук, он готов променять на меньший, более подручный; между тем принимает в придачу на поддержание своей старости. Для того выгодно обширное место, как поприще деятельности, сей также находит свою пользу, выменяя уютный домик, где надеется дать покой костям своим, удрученным тяжкими работами»⁸.

«Этнографические сведения о жителях Богословского округа», самого северного на Урале и соседнего с Гороблагодатскими Кушвинскими заводами, были написаны в 1848 году протоиереем Иоанном Луканиным. Автор кратко рассказал об устройстве жилищ, одежде, о пище населения здешних мест и весьма обстоятельно описал свадебный обряд. Он привел чрезвычайно ценные сведения о распространении среди горнозаводского населения в суровых климатических условиях Северного Урала огордничества, упомянул о неразвитости промысловой деятельности. Своим прихожанам И. Луканин дал следующую оценку: «Во всех населенных, принадлежащих к округу Богословских заводов, не говоря о высшем классе жителей, и последнего класса, то есть мастеровые, понятливы, сметливы и рассудительны, в число последних поступают сюда с других заводов за преступления, следовательно, и старожилы заражаются их пороками, более или менее господствующие их пороки: пьянство, хищничество золота, воровство, побеги от службы. Ко святой церкви усердны, по состоянию гостеприимны, благотворительны, ибо охотно внимают предложениям о пожертвовании чего-либо в пользу церкви и на разоренных от разных случаев людям». «При неурожаях, скотских падежах и необыкновенных болезнях» население прибегало «к священникам с просьбами о молебствиях и хождениях со святыми иконами вокруг селений». Корреспондент поведал

также об использовании самого северного заводского округа в качестве места своеобразной ссылки и «перевоспитания» старообрядцев: «На здешние заводы посылаются на жительство с других заводов бегло-поповской секты раскольники за сводные браки и упрямство и по мере их раскаяния, то есть если кто из них присоединится к православию или единоверию, возвращаются опять в прежнее жительство»⁹.

Сочинения по заводам Среднего Урала стали поступать в РГО с 1849 года. Священник Александр Бирюков описал жителей Верхне-Уфалейского завода, которые переселились сюда из Тульской и Нижегородской губерний. По его мнению, они были «люди трезвые, гостеприимные и набожные, но не по разуму», поскольку «искали спасение вне ограды церковной – в расколе». Рассказав о материальной культуре: жилище, одежде, пище, он перешел к перечислению «поверий» при рождении, крещении, браках, похоронах и поминках по умершим. Коснулся автор также календарных обрядов: святок, Троицына дня, осеннего веселого девичьего праздника – «капустки», летних игр. Привел он и достаточно редко встречающиеся сведения о суевериях пчеловодов: «...Просят огарок свечи, с которой священник ходил вокруг церкви в заутреню святой Пасхи и, получивши, делят его на части и раскладывают во все борти, будучи уверены, что пчелы в этих бортиях не пропадают, а приносят обильный плод»¹⁰.

Рукопись «Юговской, купца Кнауфа завод» была составлена священником Василием Протопоповым. После краткой характеристики «домашнего быта» – жилища, одежды и пищи – автор останавливается на описании семейных обрядов. «Свадебных причуд не много, – отмечал он, – потому что, всего вероятнее, что некогда забавляться: народ постоянно в работе». При похоронах, по его наблюдениям, раскольники «по секрету призывают своего наставника, читают над усопшим канун (канон), изложенный в конце псалтири, и в этом состоит все их отпение; после погребения в доме усопшего бывает обед, куда, кроме родственников, приглашаются бедные старушки и убогие старики; таковые обеды устраиваются в 9-й, 20-й и 40-й день, а также в дни преставления и памяти усопшего; для пользы души богатые нанимают читать неугасимую, то есть в продолжении шести недель читают псалтирь, за что платят до 70 рублей ассигнациями, а бедные ограничиваются только обедами, которыми тоже чают доставить пользу душе усопшего»¹¹.

В ответах на анкету РГО нашли также отражение результаты социальной интеграции горнозаводских жителей. По мнению священнослужителей, в заводском «плавильном котле» исчезали различия в «верованиях, характере, привычках, идиотизмах и наречии» первопоселенцев. За сто лет существования Югокнауфовского завода, согласно наблюдениям В. Протопопова, его население так «между собой сблизилось, сроднилось, уравнялось, что нет никаких признаков различия». Заводчане перестали обращать внимание «на то, откуда их предки», а «жили и думали так, как будто бы они были коренные здешние жители»¹².

«Внучата переселенцев, – сообщали из Кушвы, – уже не похожи по наречию на своих дедушек, и все говорят наречием общим, которое не в заводах именуется заводским и составляет наречие общее для всего Гороблагодатского заводского округа»¹³.

Создание местной периодической печати также не обошлось без участия духовных лиц, сочинения которых прежде всего появились на страницах «Губернских ведомостей». В 1860 году священник Ипполит Словцов опубликовал статью «Пивоварение в Дедюхине и потребление пива». Этот

напиток стал темой для рассказа не случайно – дедюхинцы имели «сильное пристрастие к пиву». «То с горя, то с радости, – сообщал автор, – пьет русский человек, то с жару, то с холоду пьет дедюхинский мастеровой». «Заводские работы, – пояснял он далее, – обуславливают потребление пива». Сложилась и своя особая «культура питья»: «Пиво пьется вовсе не вдруг, но с расстановкой». По расчетам И. Словцова, при таких темпах компании из четырех человек ведра хватало как раз на час. «Охмеления быть не может, – настаивал он, – а возникает чувство бодрости и восстановления сил». По его данным, «хорошие питаки» пили «часов до 12 ночи», справляясь в одиночку с целым ведром. На закуску шли соленые сельди и протухшие сиги. Вызывая жажду, они тем самым способствовали большому потреблению пива¹⁴.

В 1862 году «Пермские губернские ведомости» поместили пространный очерк священника И. Удинцева, посвященный населению Ирбитского завода. Наряду с описанием семейных обрядов заводчан: родильно-крестильных, свадебных, похоронных, он привел данные церковной статистики о рождаемости, смертности, брачности и «привитии оспы». Рассказывая о заболеваемости своих прихожан и народной медицине, И. Удинцев сообщал о существовании толков и суеверий: «Некоторые верят, – писал он, – что коровья смерть сама забегает или ее завозят. Раскольники, кроме того, толкуют, что за цветное и новопокройное платье эту кару Бог посылает на народ»¹⁵.

Особенно часто священнослужители печатались в «Епархиальных ведомостях». В основу их сообщений были положены так называемые Летописи церквей. Инициатива их создания принадлежала Оренбургской епархии, и велись они в пореформенное время священниками по строго определенному формуляру¹⁶. В заметке «О церковно-приходских летописях» «Оренбургские епархиальные ведомости» за 1874 год рекомендовали клиру просто и ясно, «без всяких излишеств» «коснуться истории прихода и прихожан», «какого прихожане имени, чисто ли русские или обращенные из инородцев, давно ли занимают настоящее место жительства», «буде есть в приходе замечательные местности», то привести «существующие предания о них», предлагалось определить «степень усердия прихожан» к церкви, делам благочестия, поминовению умерших, рассказать о действующих и упраздненных кладбищах, охарактеризовать «степень умственного и нравственного развития прихожан», их «расположение или убеждение против» грамотности, изложить «суеверия и предрассудки, буде есть таковые, против веры и церкви, то есть обрядов церковных, уставов и таинств, общие наклонности к каким-либо порокам, например, пьянству, вообще нравы их». «Не излишне также показать, – наставляла печать, – какими занятиями и промыслами прихожане преимущественно снискивают себе пропитание и средства к жизни». В летописи могли иметь место «всякого рода явления или события... выходящие из ряда обыкновенного, например, необыкновенные роды или смерть, случаи редкого долголетия, повальные болезни и моровые язвы, необычайное появление хищных и вообще диких зверей, общественные смуты в народе, замешательства и тревоги». В конце каждого года печатались «общие выводы из метрических книг о числе родившихся, умерших и браком сочетавшихся»¹⁷. В 1896 году издание вернулось к этому вопросу, опубликовав «Программу историко-статистического описания церквей и приходов Оренбургской

епархии»¹⁸. В 1894 году «Программа для составления церковных летописей» появилась в Пермской епархии¹⁹.

В качестве примера всестороннего описания заводских жителей можно сослаться на работу священника Александра Топоркова «Березовский завод Екатеринбургского уезда (историческое и этнографическое описание)», появившуюся в «Пермских епархиальных ведомостях» в 1881 году. «Важную роль также играют здесь, – отмечал автор, – особенности местной религиозной культуры – юродствующие с блаженненькими, пользуясь глубоким уважением и доверием народа. Они обыкновенно называются уменьшительными именами: Макарушком, Николаюшком, Левушком, Егорушком... Первый Макарушко, по прозванию Подшивалов, будучи сухорук, не приучился ни к какой работе, питался милостыней, поражая народ тем, что присваивал себе всякие звания, чины генерала, управителя, смотрителя и знаки отличия – кресты, медали и тем потешал ребятишек, которые бегали за ним толпами и смеялись над ним, а он бранился»²⁰.

При освещении наиболее актуальных для уральских епархий проблем, таких как старообрядчество, редакция могла использовать рукописи многолетней давности. В 1906 году ею была напечатана заметка А. Серебренникова «Раскол в Очерской волости Оханского уезда Пермской губернии в 50-х годах» (имеется в виду XIX век). Священнику удалось подметить следующую «странность» поведения раскольников: «Мужчины во время молитвы снимают с себя кушаки для того, чтобы кадильный дым беспрепятственно проходил в пазуху и благодать, заключающаяся в нем, удобно проникала в сердце»²¹.

Много материалов по горнозаводской тематике оказалось в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях». С 1893 года здесь периодически появлялась рубрика «Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда». Первыми были описаны жители Шайтанского завода. Самые «благочестивые» среди них, особенно женщины, обязательно постились по понедельникам. Другой характерной чертой поведения заводчан было «особенно усердное поминовение умерших». Женихи и невесты перед венчанием обязательно посещали могилы покойных родителей, чтобы испросить их благословение на брак. Негативной чертой, по мнению местного клира, являлось сильное пьянство в храмовые праздники. Тогда «царил самый бесшабашный разгул», стихавший только в полночь, «чтобы с рассветом проявиться с новой силой»²². В 1895 году об этом заводе была напечатана еще одна статья под названием «Исторические сведения о Петропавловской церкви Васильевско-Шайтанского завода», в которой рассказывалось о похоронных обычаях раскольников окрестных скитов, в частности, приводилась интересная надпись на могильном кресте: «Погребено в сем месте тело раба Божия Макария Чумакова, представившегося от сего света в вечное блаженство в 1827 г., в апреле месяце, в 12 числе. Жития его было 62 года»²³.

Последующие публикации были посвящены заводам Сысертского горного округа: Сысертскому, Полевскому и Северскому. С чувством явного удовлетворения автор сообщал о порядках крепостного времени, когда заводовладелец Турчанинов «взыскивал строго с тех мастеровых, которые не были у исповеди и святого причастия, а тех, кто не был в течении двух лет, подвергал телесному наказанию». По его мнению, благодаря этому в конце XIX века народ оставался религиозен, раскола не было и безобразия имелось только одно – «пьянство в праздничные и воскресные дни».

Описывает он также крестный ход, установленный жителями в 1803 году в память об избавлении от моровой язвы²⁴.

При характеристике Полевского завода приводятся весьма интересные сведения о распространении среди его жителей скопчества. «Если кто про нашу веру будет изведывать, – стращали вступавших в секту скопцы – то тот не много проживет. Из мастеровых (5 человек) давно уже покойны и скончались они преждевременно потому, что восставали против нас». «Из обычаев, заслуживающих одобрения», местный причт отмечал «обычай отдавать поклон при случайных встречах всем и каждому – знакомому и незнакомому». Их прихожане также «творили поминовение по своим усопшим в дни, установленные церковью», сопровождая его «подаванием и милостыней нескудною»²⁵. Аналогичным образом поступали жители соседнего Северского завода: «... по родным усопшим совершали поминовения». С некоторым недоверием редакция восприняла сообщение отца Кожевникова о том, что в последнее время здесь «вышло из обычая на поминках угощать собравшихся водкой»²⁶.

Опубликованный в 1897 году «Краткий исторический очерк Быньговского храма и прихода» содержит чрезвычайно ценный материал о старообрядческих сводных браках. В очерке даже приводится текст раскольничьего «условия» – документа, удостоверявшего вступление в брак, под названием «Благопопечение родительское о детях». Кроме того, рассказывается об истории установления крестного хода в Быньгах: «В 1809 году был великий валеж на скоте, который в августе месяце чрезвычайно усилился. Жители сего завода, принявшие от предков своих увлечение к иконе Божьей Матери Знамения, собрались лучшие прихожане из стариков, начали просить священника сходить с ними до сию икону в Тагил, кою по принесению в сей завод встретили и обойдя 14 августа вокруг всего селения с молитвенным пением и окроплением святой водой скота, с горячей слезной молитвой, и по вере их преста валеж». Издание уверяло, что «с 16 августа не бысть упадку ни единой скотины»²⁷.

Не все приходские летописи были обработаны для издания, некоторые из них хранятся в местных архивах. Так, «Летопись прихода Кушвинской Свято-Троицкой соборной церкви Верхотурского уезда Екатеринбургской епархии» кончается 1900-м годом. По мнению причта, их прихожане были «весьма усердны... к поминовению своих усопших сродников», в установленные церковью дни они заказывали литии или «служение на дому заупокойного всенощного бдения». Духовенство отмечало также свойственную населению «посильную благотворительность и участливость ко всем обездоленным в жизни и несчастным, как-то: калекам, слепым и прочим». Существовали здесь и предрассудки, причем весьма архаические: «у некоторых есть обычай ставить свечи за обидящего верхним концом книзу»²⁸.

Летопись Выйско-Никольской церкви была доведена до 1913 года. «Жители прихода, – сообщал священник, – не обладают хорошим здоровьем, что зависит от положения при Выйском медноплавильном заводе, удушливый с сернистым запахом дым из печей которого не только убийственно влияет на работающих в этом заводе, но и вообще на всех жителей Выйского прихода, преждевременно сходящих в могилу от чахотки». «В осеннее время и в дождливую ненастную погоду дым из труб Выйского завода и от пожаров медной руды до того иногда окутывает серным покровом весь Выйский приход, что трудно бывает видеть что-либо даже на расстоянии сажени». «Нравственность прихожан, – делился он своими наблюдениями, – нравственность заводская. Хотя в прежние времена, говорят стари-

ки, нравы были все-таки лучше, особенно до освобождения». Однако автор считал возможным добавить к характеристике населения следующее: «Добрые стороны были и есть между ними: любовь к памяти умерших родственников своих, по которым они творят поминовение в церкви и подают милостыню, частое служение “за здравных всеобщих” на домах со святыми иконами, которые берут они из церкви и из которых в последнее время стали особенно чтить Иверскую Богоматерь и великомученика Пантелеймона»²⁹.

Сочинения духовных лиц появлялись в других региональных изданиях. Так, в первом выпуске «Пермского края» была опубликована работа А. Топоркова о Васильевско-Шайтанском заводе. Она содержала обстоятельные исторический и демографо-статистический экскурсы и детальное описание современного автору состояния заводских жителей. «Относительно таинства елеосвящения, – отмечал бытописатель, – у них существует такой суеверный предрассудок, что кто “особоруется”, тот непременно вскоре умрет... Распространено также мнение, что выздоровевшим после соборования нельзя вступать в брак, а супругам жить вместе». В дополнение к сказанному А. Топорков приводил сетование своей прихожанки: «И рада от души приобщиться к таинствам, да не могу, ведь шесть недель нельзя после этого с мужем спать»³⁰.

Подобный ракурс изложения данных обусловил положение приходского священника – интеллигента, местного жителя, в силу своих профессиональных обязанностей находящегося в постоянном контакте с прихожанами и уже поэтому представляющего их образ жизни, кое-что почитывающего из популярной этнографической литературы, на авторитет которого среди населения при проведении своей политики рассчитывали власти.

Мы пытались показать разнообразие познавательных интересов духовенства прежде всего на примере народной религиозности и особенностей горнозаводского населения как такового, оставляя другие аспекты культуры в тени, поскольку описать ее целиком вряд ли возможно. Обращая внимание на информативные возможности созданных священнослужителями источников, не стоит забывать, что почерпнуты эти сведения из практики и нужны они им были для общения с прихожанами и воздействия на них. Священники находились не просто в ситуации включенного наблюдения за традицией, сосуществуя с ней, но, являясь пастырями, стояли на позиции «официального православия», которая не всегда совпадала с традиционным жизненным укладом, следовательно, вступали с ним порой в довольно жесткую борьбу, Успех их деятельности напрямую зависел от умения «поладить» с традиционным сознанием. Здесь требовались не только знания ученого-этнографа, который бережет предмет своего изучения, стараясь ничем его не нарушить. Приходилось учиться мыслить в данной логике, чтобы уметь манипулировать традицией, быть одновременно «внутри» приходского сообщества и «над» ним.

¹ См.: Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. М., 1990. С. 21, 48.

² Байдин В. И., Голикова С. В., Дашкевич Л. А., Нечаева М. Ю. Дневник священника // Урал. ист. вестн. Культура провинциальной России. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 134.

³ Голикова С. В. Кликушество глазами священника // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1995. Вып. 8. С. 103.

⁴ См.: Лурье С. В. Историческая антропология. М., 1997. С. 429.

⁵ ГАСО, ф. 28, оп. 1, д. 1511, л. 1.

⁶ Удинцев И. Заметки о Киргинской слободе // Пермские губернские ведомости. 1866. № 102. С. 415.

- ⁷ АГО, ф. 29, оп. 1, д. 13, л. 5 об.
⁸ Там же, л. 10 об. – 11.
⁹ Там же, д. 14, л. 4 – 5 об.
¹⁰ Там же, д. 27, л. 3.
¹¹ Там же, д. 19, л. 3.
¹² Там же, д. 19, л. 1 – 1 об.
¹³ Там же, д. 17, л. 1.
¹⁴ См.: *Словцов И.* Пивоварение в Дедюхине и потребление пива // Пермские губернские ведомости. 1860. № 19. С. 247–248.
¹⁵ *Удинцев И.* Ирбитский завод // Пермские губернские ведомости. 1862. № 28. С. 398–401.
¹⁶ См.: Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал // Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 136–153.
¹⁷ О церковно-приходских летописях // Оренбургские епархиальные ведомости. 1874. № 10. С. 350–361.
¹⁸ См.: Программа историко-статистических описаний церквей и приходов Оренбургской епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. 1896. № 13–14. С. 176–178.
¹⁹ См.: Программа для составления церковных летописей // Адрес-календарь Пермской епархии за 1894 год и справочная книжка для духовенства. Пермь, 1894. С. 42–45.
²⁰ *Топорков А.* Березовский завод Екатеринбургского уезда (историческое и этнографическое описание) // Пермские епархиальные ведомости. 1881. № 27. С. 308–309.
²¹ *Серебренников А.* Раскол в Очерской волости Оханского уезда Пермской губернии в 50-х годах // Пермские епархиальные ведомости. 1906. № 17. С. 323.
²² Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1893. № 32–33. С. 787–789.
²³ Исторические сведения о Петропавловской церкви Васильевско-Шайтанского завода // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1895. № 48. С. 1328.
²⁴ См.: Материалы... 1893. № 34. С. 818; № 39. С. 952; № 43. С. 1065.
²⁵ Материалы... 1893. № 45. С. 1129; 1894. № 6. С. 155–156.
²⁶ Материалы... 1894. № 17–18. С. 435.
²⁷ Краткий исторический очерк Быньговского храма и прихода // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1897. № 1. С. 11; № 15. С. 417–420.
²⁸ ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 658, л. 11.
²⁹ Там же, ф. 607, оп. 1, д. 54, л. 2, 11.
³⁰ *Топорков А.* О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 231.

Е. Г. Дьякова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ВЛАСТИ В ТЕОРИИ «УСТАНОВЛЕНИЯ ПОВЕСТКИ ДНЯ»

Одной из базовых проблем теории массовой коммуникации как научной дисциплины является проблема взаимодействия массовой коммуникации и власти. Актуальность этой проблемы трудно переоценить, особенно на фоне существующих в общественном сознании фобий, возлагающих на средства массовой информации зна-